

18+

Илья Коган

*Завтра
будет другим*

Илья Коган

Завтра будет другим

«Издательские решения»

Коган И. Г.

Завтра будет другим / И. Г. Коган — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-515862-8

Эта книга — антиутопия, действие которой происходит в будущем, состоявшемся, если бы немцы в 1941 году взяли Москву. Это история о точке невозврата, решительно меняющей течение Времени. Сатира, романтика, детектив, но прежде всего — это фэнтези о приключениях юноши, которого любовь и здравый смысл приводят к решительному поступку. Он выбирает другое будущее для нас. И кто знает, не живет ли такой же юноша в нашем Времени?

ISBN 978-5-00-515862-8

© Коган И. Г.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	16
Глава 6	19
Глава 7	24
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Завтра будет другим

Илья Григорьевич Коган

Редактор Елена Полякова

Редактор Марина Потоцкая

Корректор Анна Николаева

© Илья Григорьевич Коган, 2020

ISBN 978-5-0051-5862-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Марка разбудила тишина. Оглушающая, как колокола на соседнем храме. Он попробовал натянуть на себя обрывки снов. Но они блекли и таяли, блекли и таяли, а их место занимала непривычная пустота просыпания. Что-то в ней было не так. Электронные часы показывали... Ничего они не показывали. Не светился экран телефункена. И не слышалась приятная хрипотца Мудрейшего: « – Доброе утро, дети мои! Ганс-Фридрих Сидоров приветствует и поздравляет вас с новым радостным днем! Чисты ли ваши помыслы, как небо в этот ясный день? И не было ли в ваших снах чего-либо предосудительного? Или просто сомнительного, требующего осмысления Мудрых? Мы всегда готовы помочь и поддержать вас. Помните о счастье жить в нашей благополучной стране!».

Нет. Что-то сегодня было не так. Что-то мешало Марку почувствовать ежеутреннюю сопричастность Великому Единению, готовность раскрыться навстречу благоуханному дыханию Высшего Существа.

– Нет электричества! – понял Марк. – Значит, не будет ни утреннего приветствия, ни морально-политической подпитки, ни душевного трепета при подъеме Государственного Флага. Не будет и энергетической разминки – тренажеры же не работают.

Марк совсем было заскучал, но тут внизу, на кухне, загремела посуда.

– Отец... – подумал было Марк и торопливо соскочил на пол. И тут же застонал от невыносимого осознания реальности. Голову заполнила пустота, в которой бились без выхода два слова: – Отец!.. Мама!..

Не было силы, которая помогла бы ему удержаться на краю обрыва, в который обрушилась прежняя жизнь... Отец... Мама... Неправда, что время рубцует раны! Никакой оно не лекарь! И никакие дни, часы и минуты не могли пригасить ужас того дня, когда пришла весть о гибели родителей!..

В кухне возился дедушка. Он суетливо дергал какую-то штукювину из какого-то незнакомого аппарата.

– Дед, – спросил Марк, – что за агрегат?

– Примус, – не отвлекаясь, ответил дед. – Источник открытого огня.

От моей бабки остался. Мы еще в Африке на нем готовили... Только вот подзабыл, как запускается...

– А вонища-то! – сморщил нос юноша.

– Керосин, – объяснил дед. – Вот подожди, кончится под землей газ, хошь – не хошь, а вспомним и о керосине, и о примусе... Еще такая штукювина была – керогаз...

– Да никогда в жизни! – возмутился Марк. – Чтобы мудрейшие допустили! Мы живем в государстве всеобщего благоденствия! И оно вечно! Спроси у любого партийца!

– Хм... – обернулся к нему дед. – Ты хорошо запрограммирован... Не придерешься!

– А ты! – возмутился Марк. – Вечно всем недоволен. Дождешься, когда прочтут твои мысли! И не поможет, что ты ветеран!

Дед только отмахнулся. Тонкой иглолчкй поковырялся внутри примуса и поднес к нему зажигалку. Живое пламя запело, зажужжало вокруг конфорки.

– Генуг цыпленку! – обрадовался дед и поставил на огонь кофеварку.

– Скажи спасибо, что я не выбросил наши фарады! – веселился дед, крутя педали. Радовался не он один. Улица была забита велосипедистами. Они шныряли между уныло дремавшими элетромерседесами и плотно присевшими на колеса электрогазами.

– Хорошо, что вчера предупредили!

– А я прослушал, – огорчился Марк.

– Как же! Первый министр Мудрейшего объявил по телефонкену. Мол, в связи с государственной необходимостью будет на два часа прекращена подача электроэнергии... Просил отнестись с пониманием.

– Вот. С пониманием... А ты говоришь!..

– Подожди!.. – тормознул дед. – Бедро болит...

Он слез с фарада и прислонил его к застывшему посреди улицы штрасенбану. Видно, дала о себе знать рана, полученная в Африканской войне.

– Шпрехают что-то об экспериментах в Институте Времени, – отдышавшись, объяснил дед.

В Татарской слободе было, как всегда, сумрачно и тихо. Даже ребятишки играли во что-то молчаливое.

– Дед, – спросил на ходу Марк, – а почему татар в партию не принимают? Даже образованных и богатых?

– А ты вспомни, на чьей стороне были мусульмане? У нас даже был приказ: в плен не брать!

– Но они же совсем другие! Испокон века в России жили. И в бывшем Союзе. И в нашей Фатерландии!

– Вот мы так и думали, пока они к туземцам не перебежали! И в спину нам стрелять не начали!

– Может, о них плохо заботились? Тепла им не добавляли?

– Мудрейшие их знают! – заключил дед. И радостно воскликнул:

– О! Свет дали!

И, правда, зажглись фонари, засветились рекламы, замигали огни светофоров. Зашуршали колеса мерседесов и газов, застучали по рельсам штрасенбаны.

В Совете ветеранов деда принимали с почетом. А как же – боевой офицер, инвалид войны и почетный ариец.

– Господин Блюм! – подкатился к нему дежурный партиец. – Наконец-то вы нас удостоили! Такая честь!

– Суставы, – оправдывался дед.

– К сожалению, выбора сегодня, практически нет! – тащил их на склад партиец. – Временные трудности...

– Посмотрим... посмотрим... – успокаивал его дед.

Выбора действительно не было. Деду полагался холодильник. Но на подиуме сиротливо жался приземистый недоросток в деревянном корпусе.

– «Фюр махт... э-э... За власть Советов!»! – распахнул коричневую дверцу дежурный. – Старинная фирма! Еще с дофатерландовских времен!

– Да у нас же вся кухня белая, – робко вклинился Марк.

– Молодой человек! Решать должен уважаемый дедушка!.. Я могу предложить выбор по каталогу. Поставки будут не сегодня-завтра. То, что выберете, привезем прямо ин ди кюхе. Как только – так сразу!

Дежурный затащил их в бюро и раскрыл перед дедом несколько глянцевых гроссбухов.

– Выбирайте! – предложил он. Но в ту же минуту за окном что-то грохнуло. Свет в бюро на мгновение погас, а когда зажегся, был мигающим и тусклым.

– А вег! – скомандовал дед, и они с Марком выскочили на улицу.

Транспорт снова стоял, а люди испуганно вглядывались в небо на краю горизонта. Там поднимался столб зеленого дыма.

– Доигрались! – мрачно предположил ветеран. – Кажись, Институт Времени дуба дал!..

Все оказалось не так страшно. Как передали по телефонкену, произошел небольшой хлопок, задымился запасной трансформатор. Но проводимый эксперимент дал ожидаемые результаты. Старики, забежавшие к деду, болтали, будто возле Института крутились десятки санитарных машин. Но кто им верил!

Вечером, отчитываясь перед телефонкеном, Марк честно рассказал о вредных слухах, за что к его баллам было добавлено еще восемь. Только о сомнительных мыслях деда он промолчал – родной человек все-таки.

Ночью ему опять снился отец. Они карабкались на вершину Ай-Петри, а мама призывно махала сверху. Большой черный силуэт на фоне восходящего солнца. – Скорее! – торопила их она. – Чай остынет!

– Вечно она спешит! – ворчал запыхавшийся отец. – Я ей говорил: – не гони так!..

Глава 2

– Ах, мой милый Августин, Августин, Августин! – распевал телефонен. – С добрым утром, дети мои, граждане нашей благополучной страны!

Марк привычно настроился на волну душевности, излучаемую с экрана. В голосе Мудрейшего звенели колокольчики, пели птицы и звала в неведомую даль полковая труба... И само собой пробуждалось чувство глубокого удовлетворения. И вера, что новый день, как и предыдущие, будет отмечен успехами в производстве и потреблении!

И готовность внести свои баллы в копилку приношений Высшему Существо!

И вот.

– Кхе-кхе... – задрезжал телефонен. – Ну-с, молодой человек!

Слово и дело!

С экрана на Марка смотрел его партийный наставник Леня Гоген-Ваген. Ленчик, как фамильярно звал его дед. Они воевали вместе, только Ленчик, в отличие от деда был чистокровным арийцем. И в Национал-коммунистической партии он отвечал за нравственное взросление дедового внука. И еще девятерых недоарийцев.

– Доброе утро, майн юнгер Марк! Готов ли ты вознести молитву Высшему Существо?

– Я исполняю волю Его!

– А чисты ли твои помыслы?

– Я открыт! – сказал Марк.

И натянул на голову шлем правдолюба.

– Какое сегодня число? Сколько тебе лет? Сколько лап у паука? – зачастил Ленчик. Марк едва успевал отвечать. Он знал: главное – расслабиться и ни о чем не думать.

– При какой температуре кипит вода? Кто написал «Фауста»? Сколько дней в году? – продолжал допытываться наставник. – Какого цвета небо в грозу? Что сказал дед о вчерашнем хлопке? Почему скачет мяч? Ты часто опаздываешь в колледж? Ты любишь военные песни? Что тебе снилось ночью? Почему ты не доверяешь татарам?

На экране телефонена мелькали оценки: «правда»... «неправда»... «сомнительно»... И потом – общее заключение: «Готов к шествию Верности!».

– Молодец! – обдали Марка теплом глаза с телефонена. – Ты верный питомец Партии! И у тебя есть все шансы заслужить статус Почетного Арийца!

Марк спешил. Лицеисты должны были собраться на площади Берлинского вокзала. Там уже стоял грузовой мерседес с плакатами и знаменами.

– Держи свой конец! – пригласил его студработник Лялик. И Марк крепко-накрепко вцепился в древко ярко-алого полотнища. «Будущее светло и прекрасно!» понесли они с другом, вливаясь в строящиеся ряды. Шествие Верности началось.

– Эс лебе!.. Эс лебе!.. Хай живе!.. Виве!.. Да здравствует!..

Возгласы сливались в единый клич, от которого, казалось, расколется небо.

– Ура! – взвивалось еще выше. Выше деревьев, выше крыш, выше прижавшихся к асфальту мерседесов и опустивших свои дуги штрасенбанов.

По городу шло Шествие Верности. Плакаты мерно колебались в такт шагам. «Время, вперед!»... «Оседлаем время!»... «Будь верен Мудрейшему!»... «Наш вождь Ганс-Фридрих Сидоров!»... «Роботы – наши помощники!»... «Заветам Адольфа и Иосифа верны!»... «Разбирай Гегеля и шмайсер!»...

Господи, как все было знакомо! Сколько раз маршировал

Марк в этих рядах, выкрикивая привычные и все равно волнующие лозунги! И мысленно повторяя звучащие чистой музыкой призывы Мудрейшего:

« – Будущее светло и прекрасно. Любите его, стремитесь к нему, работайте для него, приближайте его, переносите из него в настоящее, сколько можете перенести: настолько будет светла и добра, богата радостью и наслаждением ваша жизнь, насколько вы умеете перенести в нее из будущего. Стремитесь к нему, работайте для него, приближайте его...»

– Время вперед! – несло над колоннами, над проспектом Макса Горького, над ликующим городом.

Марку было радостно от чувства единения с тысячами таких же преданных родине молодых людей, от того, что рядом, выкрикивая близкие им всем лозунги, шествовали его друзья-лицеисты. Лялик, Петрик, Енот, Котяра, Толян, Пятак, Шпайер Одногруппники. Единомышленники. Почти арийцы!

Одно отравляло торжество. Приплясывающая на тротуаре кучка отщепенцев. Таких же молодых, но лишенных благоразумия и понимания реальности. Они тоже выкрикивали лозунги. Но какие! «Не трогайте время!»... «Будущее – своими руками!»... «Все люди равны!»... И уж совсем непристойное: «Мудры ли Мудрые?..»...

Сегодня этих недобитков было больше, чем обычно. И что тоже поражало: среди них были девушки. Особенно бесновалась одна — длинноволосая, большеглазая и кого-то неуловимо напоминающая. Она скакала, размахивая портретом Пушкина, и кричала что-то невообразимое. «Мудрейшего на пенсию!» слышалось Марку.

– При чем здесь Пушкин? – подумал он, а друг Лялик закричал:

– Рапунцель!

– Кто это? – пристал к другу Марк.

– Сеструха... Зараза!

– Зараза! – подхватили лицеисты.

Девушка на окрик брата только головой помотала.

Но по тротуару, оттесняя тщедушную, кучку уже наступала шеренга Национальных Чекистов, ударя дубинками в щиты.

Глава 3

На кухне гремела посуда. Раньше кофе всегда варил отец. Но теперь над ним колдовал дед в мамином фартуке.

– Отчитался? – спросил он, подвигая к Марку блюдо с тостами и наливая обалденно пахнущий напиток.

«– Как здорово, – подумал Марк, – что после африканской войны можно пить настоящий кофе!»

Но вслух сказал:

– Ленчик опять беспокоится о тебе...

– Забей на него! – отмахнулся дед. – Какой им вред от старого пердуна!

– Говоришь много. А ешь мало. И половины положенного не съедаешь!

– А они бы еще больше пихали в талоны!

– Смотри! – предупредил Марк. – Дождешься новой клизмы!

Кухонный телефон передавал утренние новости. Про наступление латиноамериканской армии на рубежи Восточной Империи. Про затяжные бои на островах Полинезии. Про трудовые успехи банановодов свободной Нигерии. Ну и про небольшие трудности в работе Института Времени.

В криминальной хронике рассказали о найденном в доме на Баварском Арбате трупе зверски убитой женщины. Личность погибшей устанавливается.

– А-а! – махнул рукой дед. – Чтоб народ не скучал...

И спросил о том, что его на самом деле занимало:

– Так ты всерьез будешь читать свое сочинение?

– Семинар же, – ответил Марк.

– Ты бы подумал...

– А что? Нам же задали... Отчет о трудовом воспитании на заводе... Сказали: в свободной форме...

– Ну, смотри!.. Уж больно твоя форма свободная!..

Но семинара сегодня не было. Отменили и другие занятия.

Вместо этого студработников выстроили в спортзале и по одному вызывали в кабинет Мудролайтера. Странно было то, что обратно никто не выходил.

– Пускают на колбасу, – предположил кто-то. Кажется, Шпайер.

– Трахают и спускают в унитаз, – поправил его Петрик.

Марк даже не улыбнулся. Что-то нехорошо было на душе. Стремно, как сказал бы дед.

Марка вызвали одним из последних. На юношу уставились сразу десять пар глаз. Кроме Мудролайтера на него смотрели человек пять Мудропедов и несколько полицаев высокого чина. Здесь же был и вездесущий Ленчик Гоген-Ваген. Серьезный-пресерьезный.

– Студработник Блюм! – вонзил в юношу взгляд Ляйтер. – Какие у тебя были отношения с Мудропедом Агилерой?

– Хо... хорошие, – запинаясь, ответил Марк. И тут же поправился:

– Нормальные... Как у всех...

– Она не занижала тебе оценки? Не начисляла отрицательных баллов?

– Не... нет... – пересохшими губами прошептал Марк.

– История – любимый предмет студработника, – вступился за него Ленчик. Но без тени сочувствия.

– Когда ты видел Мудропеда Агилеру в последний раз? – задал свой вопрос один из полицаев.

– Э...э... – замялся Марк. – Давно... Мы же были на трудовом воспитании...

И тут же, набравшись смелости, спросил:

– А что?..

И вдруг вспомнил утреннее сообщение в криминальной хронике. Неужели?..

Ленчик Гоген-Ваген вывел его через заднюю дверь.

– Вот так-то... И не знаешь, где тебя ждет... – угрюмо бормотал он, пока они спускались этажом ниже.

В физическом кабинете дым стоял коромыслом. Студработников допрашивали полицаи в форме и в штатском. Крутились бобины рекордеров, скрипели перья кардиографов, мигали зеленым полицейские правдолюбы. И со всех сторон сыпались вопросы:

– Что тебе не нравится в Фатерландии?

– Ты веришь Мудрейшим?

– Кто твой любимый мудропед?

Студработники соревновались в искренности.

– Я другой такой страны не знаю!.. – уверял всех Флюгер.

– Эс лебе... да здравствуют Ганс-Фридрих Сидоров и его жена Палашка! – твердил Шпайер.

– Обалдеваю от физика! – объяснялся Юбочник – Нигматулин.

– Я-то ее любил, она меня не любила, – признавался Мурнев.

– Не виноватая я! – дурашливо выкрикивал Петрик.

Марка подвели к столу, где снимали отпечатки пальцев. Он сразу ухитрился перепачкать краской обе ладони.

– Надо же!.. – бормотал рядом Ленчик. – Отродясь такого не было!.. Чтобы мудропедов убивали! Да так зверски!..

– Это кто-то из своих! – сказала женщина-полицай, снимавшая отпечатки. – Дверь не взломана, замки целы... Она б чужим не открыла!

– Неужто?..

Ленчик с тоской посмотрел на Марка. Он же отвечал перед партией за каждого из доверенных недоарийцев.

– А, Марк?..

Марк молчал. Он старался унять дрожь перемазанных краской пальцев и не поднимать глаз, в которых плескался ужас. «Агилеру убили!.. Задушили, а потом исполосовали ножом!..». Это выбивалось из сознания, делало секунды лишними, не настоящими, не нужными сейчас.

– Задушили и исполосовали ножом! – чуть ли не с восторгом делился с друзьями Пятак.

– Чему ты радуешься! – урезонивал его Енот. – Мы же первые, на кого будут думать!

– Затаскают! – соглашался с ним Флюгер.

– А почему именно нас? – не понимал Лялик.

– А ты спрости у него! – кивнул на Марка Енот. – Он же у нее дома чаще, чем в лицее, бывал.

Студработники кучковались во дворе лицея, приходя в себя после неожиданного следствия.

– Разберутся! – уверенно сказал Марк. – У нас лучшая в мире Служба безопасности!

– Ну, Марка понесло! – съехидничал Енот. – Он же у нас поцреот!

– А ты разве не любишь свою страну? – вскипел юноша. – Или у тебя другая Фатерландия есть?

– Да ладно вам! – успокаивал друзей Нигматулин. – надо держаться вместе!

– Как же! – не мог успокоиться Енот. – Он спит и видит, как бы арийцем стать! Почетным!..

- А ты больше говори!
- Говори-не говори, мудролюб все равно каждую мыслишку прочтет. Самую завалящую!
- Подмудрашки умеют втирать ему мозги, – вмешался молчаливый до этого Рогач. – Говорят, голова должна быть забита всякой мурой. Под самый мозжечок!
- Да уж, – примирительно сказал Марк. – Подмудрашкам есть что терять. Один шаг до мудрейших.
- Нам это не грозит! – подвел итог Енот. И все разошлись по домам.

Дома дед сотрясал кухню вздохами.

- Подумать только! – сокрушался он. – Твою любимую училку!...
- Мудропеда... – поправлял его Марк.
- И у кого только рука поднялась!.. Форменный садист! Нам бы его на пару часов в Африку!

– А что твой друг Ленчик говорит?

– А что он может сказать? Думает, это кто-то из своих... Так что поаккуратней с ним!..

Марк и сам понимал, что это не тот случай, когда надо раскрываться до конца. Другое дело, что он не привык, да и не умел прятать что-нибудь от наставника. Стоило тому появиться на экране телефонкена и проникновенно заглянуть в глаза. До самого донца. Как умел только он. И самые потаенные мысли ложились прямо в его ладонь.

Так и в этот вечер. Ленчик не успел и рта раскрыть, а Марк уже торопливо отвечал на не заданные вопросы:

– Я раньше бывал у мудропеда Агилеры. Часто... Она давала материал для курсовой. Ну, и вообще...

– Что «вообще»?

– Она мне нравилась. Очень...

– А кому еще она нравилась?

– Ну... многим...

– Говори правду! Ничего, кроме правды! – настаивал Ленчик. – Кто у нее бывал, кроме тебя?

«– Молчи! – шептал Марку разум. – ...лчи-лчи-лчи! – откликалось послушное эхо в отуманенной голове. Но язык непослушно талдычил:

– Ну... Лялик... Локшин то есть... Петрик... Черняев который... Он же художник... И еще Шпайер... Стихи сочиняет... Она таких любила...

Марк ждал, что наставник потребует подробностей, но Ленчику, видно, хватило и этого. На первый раз...

Этой ночью Марку снова снился отец. Они опять карабкались к вершине Ай-Петри, а мама призывно махала сверху. Большой черный силуэт на фоне восходящего солнца. – Скорее! – торопила их она. —

Чай остынет!

– Вечно она спешит! – ворчал запыхавшийся отец. – Я ей говорил: – не гони так!..

А мама почему-то вздыхала и задумчиво вертела в руках что-то невнятное. «Кортик! – догадался Марк. – Морской кортик!».

Глава 4

– Встать! Смотреть в глаза! Признаваться!

Детектив, прихрамывая, ходил по кругу, старательно обходя белый контур на полу. Это был меловой силуэт убитой Агилеры. Через каждые три шага детектив останавливался против оробевшего студработника и упирался пальцем в его впалую грудь.

– Облегчи душу! Чистосердечно!

А потом снова шагал, чуть слышно напевая:

– *Буря мглою небо кроет,*

Вихри снежные крутя...

Или вдруг резко тормозил и упирался пальцем в грудь Марка.

– Ну, колись, колись! – почти ласково приговаривал он. И снова принимался мурлыкать:

– *То ли бурей завываньем*

Ты, мой друг, утомлена...

В комнату Агилеры Марка привел Ленчик Гоген-Ваген.

– Побеседуешь кое с кем! – многозначительно пообещал он.

Кроме Марка, в комнате, словно пришибленные, сутулились Лялик-Локшин, Петрик-Черняев и Шпайер-просто Шпайер. Все, кого вчера вечером назвал Марк. «Ничего страшного! – успокаивал он себя. – Не я, так кто-нибудь другой! Все равно узнали бы!».

Беседовал с ними пожилой детектив. Детектива звали непонятным именем Мисвандерроэ. Он сам так представился, на что художественно грамотный Петрик-Черняев спросил:

– Это вы из того рода, который «стеклянный дом»?

– Из детского дома я! – добродушно ответил детектив, сделав ударение на слове «детского». – Когда удостоверение оформляли, назвали меня в честь немецко-русского единства. А брата Степана обозвали Кафкой Фрейдом. И ничего – жизнь прожили. Имен не замарали!..

Разговаривал детектив добродушно. Но смотрел цепко.

– Вы же понимаете, – втолковывал он, – что убил кто-то из вас. Из тех, кто был вхож к мудропеду. И кому она доверяла... И убил зверски.

Сначала придушил, а потом исколол всю каким-то режущим орудием...

« – Кортик!» – вспомнил Марк ночной сон. И посмотрел на стену над кроватью, где раньше висел офицерский кортик в красивых ножнах. Теперь там ничего не было...

– А чему это она вас на дому учила? – допрашивал между тем детектив Мисвандерроэ. – Чему такому, чего в классе нельзя было выговорить?..

– А, впрочем!.. – махнул он рукой. – Пусть этим ваши мудропеды занимаются. Мое дело – найти убийцу! И уж поверьте, он от меня не уйдет!

– Ни сном, ни духом! – чуть не бил себя в грудь Шпайер. – Я и правдолюбу так сказал!

– Вы не правдолюбов бойтесь, а меня! – погрозил пальцем детектив Мисвандерроэ. – И своей совести!

Марк согласно кивал головой. Он понимал, что детектив прав и что убийцу надо искать среди своих. Но это никак не укладывалось в голове. «Свои» это же свои. Те, с кем он рос, каждого знал, как самого себя.

А знал ли он самого себя? Марк понимал, что, пока убийца не найден, он такой же подозреваемый, как любой из его друзей. И хотя в самом страшном сне не мог представить себя в роли злодея-садиста, чувство вины не оставляло его: слишком сильно было в нем ощущения своей группы как единого организма.

– Свободны! – отпустил их детектив. – Пока...

Марк выходил последним.

– А там всю жизнь висел кортик! – показал он на ковер над кроватью. – А теперь пусто...

Мисвандерроэ внимательно посмотрел на ковер и на Марка.
– Комунибудь говорил?
Марк отрицательно помахал головой.
– Вот и молчи!

Глава 5

Мудропеда Агилеру хоронили через день. Сначала было отпевание в лицее. Закрытый гроб стоял в актовом зале. Под портретом в черной раме квартет студработников играл положенную для таких церемоний музыку.

– Господи! – думал Марк. – Какая же она красивая! И добрая!.. Была...

Он все еще не мог принять ее смерть. Да еще эта музыка... Стыдно было плакать на людях. А стряхивать слезы было еще стыднее. Но, странное дело, когда он все же поднял глаза, то увидел, что мокрые лица у всей гоп-компании. У Лялика. И у Пятака. И у Рогача. У Флюгера-Агишева. И даже у Енота.

– А они-то здесь при чем? – подумал он. И заставил себя сосредоточиться на словах Мудроляйтера.

– ...являла собой пример государственного подхода к воспитанию убежденных патриотов Фатерландии. Ее Хрестоматия по отечественной истории получила одобрение самого Совета Мудрейших. Она вводила нас к истокам цивилизации, показывала, как деяния Благородных мужей – Карла Великого, Чингиза, Петра, Наполеона, а также новых святых Иосифа и Адольфа – способствовали рождению единой евроазиатской расы.

Он бы еще вещал, если бы вдруг откуда-то из дальних рядов не раздался крик:

– Найдите убийцу!

И тотчас же крик подхватили в разных концах зала.

– Найдите убийцу! Найдите убийцу! – скандировали студработники. Мудроляйтер зашептал что-то стоящим ниже мудропедам. Шепоток-указание заструился к рядам выпускных групп. И оттуда – сначала нестройно, а потом слаженней и слаженней, громче, громче и одушевленнее – потекли звуки национального гимна:

*Пари над миром наша песня,
Зови живых на труд и бой!
И вейся, вейся всех чудесней,
Флаг Фатерландии родной!*

Скоро пел весь зал. И Марк вместе со всеми. И даже громче и одушевленнее всех. Это была песня его детства и юности. Она будила его по утрам и задавала настроение на весь день. Она согревала его чувством причастности к поколениям предков и укрепляла веру в прекрасное будущее страны, которое он будет строить вместе с миллионами соотечественников.

*Нам нет преград на суше и на море!
Гордимся мы отечеством своим,
Друзьям на радость и врагам на горе
Мы победим! Мы победим! Мы победим!*

Гимн еще не кончился, а утилизаторы уже погружали гроб на свою тележку. Мудропед Агилера не имела воинского звания, и ей не полагался артиллерийский лафет.

– Ребята, а поедем ко мне! – предложил вдруг застенчивый обычно Лялик. – Помянем мудропеда!

– У тебя что, на всех места хватит? – засомневался Енот.

– Потеснимся! – успокоил его Лялик.

Места на всех хватило уже в мерседесе-лимузине.

– Однако не хило! – удивился Пятак. – Если у тебя и все остальное такое!..

– Скромное обаяние буржуазии! – как-то само собой вырвалось у Марка.

Дом Лялика стоял на Соколиной горе. Собственно, домом он называл его только из застенчивости. Это был трехэтажный особняк посреди ухоженного парка.

– Ну, ты даешь! – восхищенно бормотал Мурнев, поднимаясь по мраморным ступеням
– Это ж не мое! – смущенно оправдывался Лялик. – Отец строил...

Отец встречал их в дверях зала-не зала, но, вообще-то, и не комнаты.

– Кириллов! – коротко представился он, пожимая руку первому из друзей.

– Энтин! – волей-неволей так же коротко отрапортовал тот.

– Енот! – перевел на лицейский язык Лялик.

Так они и подходили один за другим.

– Кириллов! – говорил каждому хозяин.

– Рожицкий!.. Волоцкий!.. Соколов! – отвечали лицеисты. А переводчик пояснял:

– Рогач... Флюгер... Толян...

И вдруг, пожимая руку Черняеву, Кириллов сам назвал его лицейское прозвище:

– Петрик!

И потом выдал такое же Шпайеру и Мурневу:

– Пятак!.. Котян!..

А услышав фамилию Марка, только вздохнул:

– Блюм... Сын Седова...

Еще раз сжал его ладонь и прошептал:

– Знал... Знал...

Но тут же встрепенулся и позвал:

– Мария!

Из темного угла выступила женщина. Немолодая и не старая, но очень хозяйского вида.

– Экономка! – подумал Марк. Он знал, что в богатых домах есть такие. Но у скромника Лялика!.. Вот бы не подумал... Но долго удивляться Мария не позволила.

– Мойте руки! И за стол! – скомандовала она.

Стол был уже накрыт.

– Ого-го! – не смог удержаться Мурнев. – Да тут на каждого по тридцать баллов!

– Вино «Мускат», объявил хозяин. – Вы ведь такое любите?..

«Да он про нас все знает! – подумал Марк. – Ай да Лялик!»

– Дочь! – позвал Кириллов. И из-за большого кресла выскользнула девушка.

– С ума сойти! – чуть не закричал Марк. Это была та самая Рапунцель, длинноволосая и большеглазая, что бесновалась в толпе отщепенцев во время Шествия Верности. Вот почему лицо ее показалось ему знакомым. Копия брата, только стройнее и со всем, что положено.

– Добрый день, полукровки! – пропела она, усаживаясь рядом с Ляликом.

– Дина!.. – одернул ее отец. И взял в руки бокал.

– День-то совсем и не добрый. Ушел человек, а вместе с ним часть каждого из нас.

Как сказано в одной старой-престарой книге, «Смерть каждого Человека умаляет и меня, ибо я един со всем Человечеством, а потому не спрашивай, по ком звонит колокол: он звонит по Тебе»... Надеюсь, со временем вы поймете смысл этих слов. И научитесь ценить чужую жизнь, как свою собственную... А сейчас молча помянем Жанну. Пусть ей будет хорошо там, где она сейчас!

– Я и не знала, что ее звали Жанной, – после недолгой тишины сказала девушка Дина. – Агилера и Агилера...

– Ее имя знали только те, кто бывал у нее дома, – стал объяснять Марк. Но, испугавшись, что может сболтнуть лишнее, тут же перебил себя традиционным тостом:

– За здоровье Мудрейшего!

– Эс лебе!.. Эс лебе!.. – загомонили за столом. – Да здравствует дорогой Ганс-Фридрих Сидоров!

Одна девушка Дина странно посмотрела на Марка.

- Патриот?.. – прошелестела она. – Это что, болезнь?
- Дина! – так же шепотом оборвал ее отец.
- А она симпатичная! – с сожалением подумал Марк.
- Слушай? – пристал Энтин-Енот к Лялику, когда тот провожал их. – А кто он, твой отец?
- Кириллов! – одним словом ответил Лялик.
- А что такое Кириллов?
- Ну... Газета «Тагес-день»... Журнал «Умное слово»...
- Ого!
- Ну... Еще концерн «Газ Сибири»... И авиакомпания «Шнель»...
- Шутишь!..
- А почему же ты Локшин, а не Кириллов? – спросил Рожицкий-Рогач.
- Будто не знаешь! Нам же велено носить фамилию еврейской половинки. Мама у меня Локшина.

Глава 6

– Вас ждет работа!

– Вас ждет работа!

– Вас ждет работа!

Металлический голос разносится из квадратных ящичков громкоговорителей. В его властном тоне нет ничего человеческого. он не груб, но настойчив.

Повинуясь ему, из бетонных домов парами и поодиночке выходят люди. они собираются в центре площади, строятся, равняют ряды – все это без единого слова под мерный счет громкоговорителей.

– Семь часов сорок одна минута!..

– Семь часов сорок две минуты!..

Лялик-Локшин читал с «выражением». Марк слушал и орлом оглядывал притихший класс. Это же была его идея. Откуда она явилась, он и представить не мог. Явилась и явилась... А потом он заразил ею своих друзей. И кто-то с готовностью подхватил ее, кто-то со скрипом согласился, а кто-то с ехидной улыбкой сказал: – Ну, ну...

– Ну, ну... – прошелестел мудропед Рихтер, когда Марк объявил «Групповой отчет от Трудовом воспитании!».

– Оповестите!..

– Люди одеты одинаково: серые брюки, серые куртки, серые береты.

Движения их скупы и однообразны. На лицах – стандартное выражение сытости и физического здоровья.

– Семь часов сорок три минуты!..

Люди терпеливо ожидают отстающих. Никто никого не торопит, все делается само собой, привычно и споро.

– Семь часов сорок четыре минуты!..

Лялик-Локшин был из тех, кто принял идею на «ура». Он, вообще, любил все, что выходило за рамки. Поэтому и читал, как полагалось – «металлическим» голосом.

А вот Енот-Энтин не был в восторге от затеи Марка. Но от друзей отставать не хотел. И даже внес в свою часть придуманную им «живинку»:

– В числе последних на площадь вбегают пара, к которой следует присмотреться.

Это мужчина и женщина. Одинаковая одежда, одинаковая штампованная округлость лиц и приглаженность фигур делают разницу в поле неразличимой. Но движения их несколько выпадают из механического единообразия собравшихся. В глазах у них тень какой-то неуравновешенности, они смотрят живее и беспокойнее.

– Семь часов сорок пять минут!..

Словно по команде, люди поворачиваются направо и ровным спортивным шагом покидают площадь.

Они идут по широкой асфальтированной улице. Они проходят мимо серых бетонных домиков, в скучной симметрии расставленных слева и справа от дороги.

Домики одинаковы по стилю и цвету, по мертвенной тишине и пустынности их гладких асфальтированных дворики.

– Семь часов сорок семь минут!..

Марк оглядел класс. Все слушали. В тишине раздавался только скрип федерхалтера. Мудропед Рихтер старательно записывал что-то. Енот-Энтин провел языком по пересохшим губам и продолжал:

– Люди шагают бодро. Они смотрят в затылок вперед идущим, и только знакомая нам пара изредка обменивается взглядами, в которых теплится что-то иное, кроме многолетней привычки друг к другу.

– Семь часов пятьдесят две минуты!..

Люди подходят к огромному бетонному зданию без окон. Спокойно, не нарушая строя, они попарно входят в широкие двери, над которыми белыми металлическими буквами написано: **Завод «Новая Америка»**.

Очередь дошла до Рогача-Рожицкого. И тот продолжил чтение:

– Голые стены серого цвета окружают людей в просторном вестибюле. Спрятанные светильники льют ровный бестеновой свет. Никакой мебели. Только турникет у выхода, да сверкающий хромом и никелем робот-контролер.

Вращается турникет, пропуская людей. Мигая электронными глазами, робот бесстрастно вещает:

– В механический цех!

– В механический цех!

– В механический цех!

– На главный конвейер!

– На главный конвейер!

Вдруг робот замолкает. Он в явном замешательстве. Перед турникетом примеченная нами пара. Что-то, не укладывающееся в привычные алгоритмы электронного мозга, проскальзывает в их поведении.

Они стоят недозволенно близко друг к другу, руки их соприкасаются, и кажется... да, да, их поведение выдает скрытое желание пройти вместе.

Робот снова на высоте.

– В механический цех! – равнодушно приказывает он.

Поворачивается турникет. Повинуясь приказу, проходит женщина.

– На главный конвейер!

Турникет пропускает мужчину.

С чувством, похожим на сожаление, они прощаются кивком головы и расходятся: он – налево, она – направо.

– Стоп! – оборвал чтение мудропед Рихтер. – Это что – отчет о трудовом воспитании?..

В его голосе зазвенел металл.

– Где вы видели такой город? И такой завод?

– Там же написано: «Америка»! – выскочил Лялик.

– Локшин! Вы не на Шествии!

– Нет, правда... – залепетал Марк. – Это же фантазия! Свободный полет, так сказать...

А на самом деле и завод, и ферма нам очень понравились!

– Шумел, как улей, родной завод... – пропел хулиган Мурнев.

– Смотрите! – предупредил мудропед. – Как бы свободный полет фантазии не привел вас в урановые рудники!

– Да мы же хотели как лучше! – продолжал оправдываться Марк. – Чтобы у нас так не было! И потом дальше не все так уныло...

– Короче! – оборвал его Рихтер. – Забудьте и никому не показывайте! А через неделю представьте мне нормальный отчет! И о заводе, и о ферме. Как у всех!

Во дворе лица одноклассники никак не могли прийти к согласию.
– И чего он взъелся? – недоумевал Лялик-Локшин. – Забавно же!
– А ты чего ждал? – охлаждал его пыл Енот-Энтин. – Оваций?
– Теперь жди! – пророчил Рогач-Рожицкий – Как пить дать, у всей группы баллы срежут!
– И когда! Перед самым выпуском! – сокрушался Петрик-Черняев.
– Кто это придумал? – приставал ко всем Шпайер. – Это каким же козлом надо быть!
– Я же говорил: не выпендривайтесь! – выступал Котяра-Мурнев. – Умнее всех хотите быть!

И это Марку было уж совсем неприятно. И неожиданно. Ведь этот Котяра ему, можно сказать, в рот заглядывал. Каждое слово принимал как команду. И вот тебе!..

Марк был не просто расстроен. Он чувствовал себя виноватым, хотя и не очень понимал в чем. Он ведь, и правда, дал волю фантазии. В родной Фатерландии не было и не могло быть ничего подобного. Хотя... Он вспоминал свое впечатление от первого дня трудового воспитания...

Трамваи подходили один за другим. Они выплескивали из своих распаренных недр мятых расплюснутых давкой мужчин в одинаковых серых костюмах. Шаркая ногами, они нестройно вливались в переулок, конец которого закрывала казенная надпись: «**Станкостроительный завод имени Г. Ф. Сидорова**».

И потом... Это засилие роботов. Люди казались маленькими и лишними среди поступательного движения и кружения механических рук...

Это удивляло и пугало. И Марку хотелось защитить человека от опасного, как казалось ему, подчинения возможным хозяевам мира.

– Слушай! – отозвал его на другой день Лялик. – Я рассказал отцу о нашем сочинении. Он хочет послушать. Да и ребятам не мешает узнать, чем все кончается...

– Ты что! – забоялся Марк. – Рихтер же с потрохами съест! Я все свои баллы потеряю! А то и хуже!..

– Не дрейфь! Будут только свои. И ни одна собака...

На этот раз угощали только чаем. Правда, с вкусными пирогами. Хозяйничала за столом девушка Дина. Она же Рапунцель.

– Ну-ка, ну-ка! – сказал Кириллов, устраиваясь в кресле. – Послушаем наших юных прозаиков!..

– И Шехерезада повела дозволенные речи... – съехидничал Енот.

Марк только отмахнулся. И кивнул головой Лялику: начинай, мол!.. Читал тот спокойнее, чем в классе. Даже с некоторым выражением. Но скоро хозяин прервал его.

– Не возражаешь, если я включу рекордер? Для памяти.

Марка это не сильно обрадовало. Но разве возразишь?

Лялик начал по новой. И читал с еще большим выражением. Ребята слушали, а хозяин кивал головой, то ли одобряя, то ли просто в такт голосу.

Марк слушал, и в голове его возникали не раз как бы вживую виденные картины.

...Серые лица над серым конвейером.

...Механические движения рук.

...Робот в центре зала и его мигающие глаза.

А потом – обеденный перерыв. В большом зале без окон за длинными столами сидят серые люди. Такие же люди в сером бесшумно снуют по залу, разнося подносы с едой.

А потом – снова работа, и конец смены, и назначенные развлечения.

...Наша пара следит за поединком боксеров.

...И слушает робота-лектора на бетонных скамейках амфитеатра.

А потом...

Потом пришла очередь Марка. И он стал читать то, ради чего, честно говоря, он все это и затеял:

– Он давно уже мешает им сосредоточиться. Он отвлекает – этот негромкий протяжный звук. Есть в нем что-то беспокойное, что-то непонятное, но властно требующее внимания. Он сжимает сердце и холодит голову. Что это?

Звук ближе. Еще ближе. Он плывет уже где-то рядом – над амфитеатром. И люди поднимаются в тревоге и с беспокойством озираются в поисках его источника.

Но дороге идет человек в белой рубашке. Он играет на трубе и ветер ласково перебирает его светлые волосы.

Человек играет на трубе. Труба горит в лучах солнца, пылает металлическим пламенем и поет. Поет протяжную бесконечную мелодию со множеством вариаций.

Труба поет о Человеке. О его красоте, о его руках, шершавых и ласковых.

Труба поет о солнце. О ночи. О шелесте ветра в дикой траве. О каплях росы на собачьей шерсти.

Труба поет о Боге, которого нет. О людях, которые не придут.

Труба поет о Женищине. О Матери. О губах, не целованных никогда. О постели, никем не смятой. О детях. О горячем огне очага.

Труба поет о Любви Человека. О его Надежде. О жизни и Смерти...

Человек играет на трубе. Он идет по дороге, играет на трубе, и серые люди, как замороженные идут за ним следом. Что-то тает у них в душе – словно льдинки ломаются и с тихим звоном падают из глаз.

Люди послушно идут за трубачом.

Человек с трубой проходит мимо стадиона. Застывает толпа на трибунах, все головы поворачиваются в его сторону. И вот уже пустеют трибуны.

Человек идет по дороге и играет на трубе. А за ним идут болельщики. За ним идут игроки, еще не остывшие, еще в спортивной одежде. Зачарованными глазами следят они за игрой солнечных лучей на белом металле трубы и слушают, слушают ее невыразимую песню.

Человек идет мимо ринга. Идет и играет. И зрители поворачиваются спиной к рингу. И идут за трубачом. А за ними идут и боксеры. И только робот, глупый робот с моргающими глазами остается на месте.

Человек в белой рубашке идет по серой бетонной дороге. Он играет на трубе, и его мелодия влечет за собой взволнованную толпу. Мелодия зовет, мелодия манит уйти куда-то далеко-далеко, сделать что-то необычное, оказать что-то несказанное.

Слов нет. Они почти забыты – эти нужные сейчас слова. Но есть глаза, есть руки. И люди смотрят в глаза друг другу. Люди берутся за руки. Люди слушают. Люди молчат. Но это молчание теплого вечера, молчание прозрачного воздуха, молчание дружеской улыбки.

Человек играет на трубе.

Человек с трубой идет и идет по дороге, и толпа постепенно отстает. Только наша пара еще долго идет за ним следом.

Гаснет звук трубы. Очень медленно, очень неохотно затихает ее песня, растворяется в серых сумерках наступающего вечера.

Долго стоит толпа и смотрит вслед трубачу, притихшая от пережитого волнения. Наконец кто-то нарушает молчание, и мы впервые слышим человеческий голос – голос этих людей»

– Что это было?..

Нет рядом робота, чтобы молниеносно ответить на вопрос, поэтому приходится думать, приходится мучительно вспоминать.

– Это, наверное, музыка... – предполагает один из толпы.

– Да-да, я слышал об этом, – подхватывает другой. – И человека этого я знаю. Он нездоров. Ему кажется, что он живет в XX веке...

– Почему же его не лечат?

– Его лечили. Но вот... Трудный случай...

К толпе подходит, держась за руки наша пара. И он, и она хотят что-то сказать, что-то важное, нужно, но... Их язык не приспособлен к выражению сложных чувств, и они просто долго, грустно смотрят в глаза людям.

Так и стоят они все – до тех пор, пока издали не доносится резкий голос робота:

– Вам пора спать!

– Вам. пора спать!

Марк перевернул последний лист.

– Впечатляет! – вынес свой приговор Кириллов.

А девушка Дина посмотрела на Марка совсем другими глазами.

– Да ты просто граф Толстой! – сказала она.

Глава 7

– Вы мне голову не дурите! – кричал мудроляйтер, помахивая пальцем перед лицом. – Я не позволю этим бредом колебать устои!

Он хлопнул кулаком по лежащему на столе карманному рекордеру.

– Здесь никакая не Америка! Это гнусный поклеп на нашу действительность! И очернение курса на сплошную роботизацию, провозглашенному Партией!

«Интересно, думал Марк, у кого же в кармане был рекордер? Не Кириллов же передал его в лицей!.. Кто? Кто?.. Лялик? Котяра? Енот?..»

– И нечего ссылаться на фантазию! – обернулся Мудроляйтер к мудропеду Рихтеру. – Это злостная провокация!

– Происки британской разведки! – поддержал его кто-то из мудропедов.

– Вызов самому Мудрейшему! – поддержал его другой.

– Колебание устоев!

– Как они будут смотреть в лицо телефункену!

– Вон из лица!

И только мудропед Рихтер бормотал что-то о памяти отца, о деде – Почетном Арийце.

– Вы мне голову не дурите! – оборвал его мудроляйтер. – Надо еще разобраться, кто покрывал это возмутительное безобразие!

– Вон из лица! – теперь уже требовали все.

– Все в свое время! – вдруг охладил их пыл мудроляйтер. – А сейчас категорически запрещаю студработнику Блюму и его поделщикам участвовать в завтрашнем Шествии Верности!

– Свободны! – отпустил он друзей. Но добавил: – Пока...

– Эс лебе!.. Эс лебе!.. Хай живе!.. Виве!.. Да здравствует!..

По городу шло Шествие Верности. «Из плена времени!»... «Шагнем в будущее!»... «Свобода – осознанная необходимость!»... «Слава Мудрым!»... – мелькало на плакатах.

Господи, как все было недостижимо близко. И пусть теперь он не с ними, пусть горечь отторжения разъедает душу, но и в стороне от Шествия, на тротуаре, в толпе восторженных дедушек и мам, Марк все равно ощущал себя единым с этим праздником юности, красоты и верности.

Вот они идут, гордые от своей силы, сплоченности, от любви к лучшей в мире стране. Цеховые подмастерья, кадеты, аграрии, студработники – будущее Фатерландии. Потомки русских, немцев, французов, итальянцев. А теперь граждане новой евроазиатской расы.

– Он с ними! – убеждал себя Марк. – Волей судьбы ему не дано этой великой чести. Но он будет изо всех сил стараться заслужить звание Почетного арийца. Стать как дед!

Он знал, что это не только его мечта. Рядом с ним стояли Лялик-Локшин, Енот-Энтин, Рогач-Рожицкий. А из колонны ему махали друзья: Пятак-Волоцкий, Петрик-Черняев, Котян-Мурнев, Юбочник-Нигматулин... Вон их сколько! Самые близкие, самые верные. Четвертьевреи, полурусские, полутатары... Четвертьарийцы.

Марк подпрыгивал от возбуждения, узнавая в Шествии знакомые лица. И был, как громом поражен, когда из переулка вырвалась небольшая, но крикливая стайка оголтелых недобитков. Отщепенцев. Таких же внешне, как он и его друзья, но совершенно больных на голову.

Они орали что-то непотребное. Вроде: « Не трогайте время!»... «Доживем до будущего сами!»... «Все люди равны!»... И совсем уж непотребное «Все права евреям!»... Эти же дикие лозунги были на плакатах, которыми они размахивали. «Разрешить браки между евреями!»...

«Прекратить ползучий геноцид!»... «Вернуть наших женщин с Мадагаскара!»... И самое страшное: «Долой Мудрейших!»...

И Марк понимал, почему десятки Верных кинулись разгонять эту шантрапу. Почему замелькали свернутые плакаты, застучали по головам и спинам незваной шелупони. Он и сам рвался в эту бучу, наплевав на все запреты. Вместе с Ляликом и Енотом разгонял бы британских наймитов. Яростно лупил их, как Толян-Соколов, как Котяра-Мурнев.

Но его помощь не понадобилась, потому что на проспект уже вышли шеренги Национальных Чекистов. И они орудовали не плакатами, а дубинками.

Полилась кровь. Катались по земле побитые недобитки.

– Так им и надо! – не успел подумать Марк, потому что в кучке разгоняемых негодяев вдруг мелькнуло знакомое лицо. Вот так-так! Сразу два дюжих чекиста наседали на Дину.

– Рапунцель! – крикнул Марк.

Раздумывать было некогда. Марк сорвался с места, вклинился в бушующую кучу-малу, ухватил девушку за руку и потащил ее на тротуар, за угол и дальше вглубь переулка. Дина бешено вырывалась, вопила что-то несусветное. Потом вдруг разом умолкла. Видно, узнала похитителя.

– Граф Толстой! – почему-то радостно воскликнула она. – И ты с нами!

– Сейчас! – возмутился Марк. – Я что, чокнутый!

– А зачем же полез в драку?

– Некоторых знакомых выручать...

– Некоторые и сами за себя постоять могут! – обиделась Дина.

– Постоять?.. Нам не стоять, а бежать надо! Пока чекисты не достали!

Марк снова схватил Дину за руку. Но она больше не вырывалась, а молча позволила вводить ее дальше от проспекта, где все еще раздавались проклятия и угрозы.

Но уйти далеко им не пришлось. Метров через сто беглецы наткнулись на автобус Национальных Чекистов. Их тут же за белы ручки и препроводили туда. А потом добавили к ним несколько десятков драчунов с обеих сторон.

– О! – удивились и обрадовались друзья-лицеисты. – Седой! Ты-то как сюда попал?

– Котяра! – обиделся Марк. – Сколько раз тебе, долдону, твердить, что я не Седой, а Блюм!

– Тогда и я не Котяра! – возмутился было Мурнев. Но тут Лялик-Локшин углядел на заднем сиденье сестру.

– Динка-зараза! – что есть мочи заорал он. – Ты опять!..

– Молчи, патриотик! – не осталась в долгу сестра. – За умного сойдешь!

Марку стало даже обидно за Лялика. Локшин был самым продвинутым в группе. Ему светила золотая медаль. Математик ставил ему пятерки даже за вопросы, которые Лялик задавал. И вот тебе...

Но пообижаться всласть ему не пришлось. Автобус остановился. Задержанных доставили в Суд Справедливости.

Суд был скорым и действительно справедливым. Участников Шествия Верности награждали сразу пятью баллами и отпускали по домам. А вот на Марке дело застопорилось.

– Студработник Блюм! – загремел судья. – Как вас угораздило!

– Ваша честь! Девушку же били... – оправдывался Марк.

– Какую такую девушку?

Судья взгляделся в экран телефункена.

– Ага! Дина Локшина! Активная сторонница Непослушания!..

Но тут дежурный чекист что-то зашептал судье на ухо. У того вытянулось лицо.

– Студработница Локшина! – вызвал он. – Кто ваши родители?

– Мама умерла... А отец...
– Кириллов? – с замиранием в голосе то ли спросил, то ли подтвердил судья.
Дина только головой кивнула. А судья огласил приговор Марку:
– Минус пять баллов и укоризна лицу! И серьезное предупреждение сыну достойного
отца и внуку Почетного арийца!

Марк торопился к выходу из Суда, чувствуя себя незаслуженно обиженным и в то же
время приятно свободным

– Легко отделался! – понимал он.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.